

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Тело на

ВЫБОР

МОСКВА

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Шербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Тело на выбор / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-210379-7

В центре Москвы в мусорном баке обнаружено обезглавленное тело женщины. По найденным там же документам ее имя — Светлана Тарасова. Полковник МВД Лев Гуров вызывает для опознания мужа погибшей. Но тот утверждает, что это не Тарасова. Его Светлана неделю назад, взяв с собой их семилетнюю дочку, сбежала к другому мужчине. Гуров уверен: супруг говорит неправду, скорее всего, он и есть убийца... Однако приглашенные родственники подтверждают, что покойная им незнакома. Сыщики в замешательстве. Они еще не знают, что стоят на пороге страшного открытия, не встречавшегося в их практике...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210379-7

ГЛАВА 1

— Может, мы все-таки на такси доедем? Посмотри, какой ливень шпарит. А еще и ветер шквальный. Ну как ты потом домой добираться ночью будешь?

Наталья Крячко с сочувствием посмотрела на Гурова.

— Ничего, Наташенька, мне не впервой по такой погоде ночью кататься. А вдруг ваш рейс на сутки отменят и обратно нужно будет возвращаться? Нет уж, я вас отвезу, дождусь, когда вы в самолет сядете, и тогда уж спокойно поеду обратно. — Гуров был неумолим в решении отвезти Станислава с женой в Шереметьево.

Три дня назад Лев Иванович проводил свою жену Марию. Ее театр отправился на гастроли по сибирским городам. И вот теперь Гуров провожал Крячко. Станиславу выпал счастливый билет провести отпуск в середине сентября, и они с Натальей решили отправиться на южный берег Турции. Вернее, решила все за них двоих

Наталья, а Станислав, хотя и сопротивлялся этому решению, но недолго, и в конце концов сдался, что называется, без боя. Супруги у обоих сыщиков были тверды как камень в своих намерениях (во всяком случае, когда это касалось совместного с мужьями отдыха), и спорить с ними было себе дороже. Гурову и Крячко проще вычислить и поймать подозреваемого в преступлении, чем уговорить жен пойти на уступки и провести отпуск там, где хочется мужьям, а не им.

Самому Гурову отпуск в этом году выпал на конец декабря. А это означало, что поехать в какой-нибудь санаторий или лыжный курорт им с женой в этот месяц никак не получится — у Марии декабрь всегда считался самым загруженным на работе месяцем. Плотный график спектаклей не позволял брать актерам в эти предпраздничные дни ни одной недели отпуска, даже если хочешь взять его за свой счет. Поэтому Льву Ивановичу оставалось только по-доброму завидовать напарнику, а самому настраиваться на кабинетную работу, которую он, как всякий уважающий себя оперативник, терпеть не мог. А всяких отчетов за последнее время у Гурова накопилась такая уйма, что даже непосредственный начальник и друг Петр Николаевич Орлов косо посматривал в его сторону.

Обычно Лев Иванович, человек ответственный и щепетильный до кончиков ногтей, никогда не позволял себе задерживаться

с отчетностью, но в последнее время оперативной работы навалилось столько, что приходилось целыми днями мотаться не только по Москве, но и по другим городам и всяем страны. Какая уж тут писанина? Это раньше можно было чуть ли не на коленке нацарапать отчет или рапорт и спокойно положить его в папочку с делом или сдать следователю, а теперь времена изменились, и вся документация должна была быть отпечатана на компьютере и храниться не только в бумагах, но и в электронных файлах. Конечно, ни на Гурова, ни на других оперативников из Главного министерства внутренних дел никто из вышестоящего начальства сильно не давил в плане бумажной отчетности. Но из следкома частенько требовали разные документы по уже завершенным делам, а эти бумажки не всегда были вовремя написаны. У Гурова и Крячко часто просто не находилось времени для бумажек. Им важнее было раскрыть преступление по горячим следам и поймать подозреваемого в преступлении, а не отчеты писать. Но сверху давили и требовали, так что вольно или невольно, но приходилось садиться за стол и описывать все, что было наработано на практике.

Вот и теперь, когда Крячко с супругой будут нежиться на турецком солнышке, Льву Ивановичу предстояла нудная процедура бумажной отчетности сразу по нескольким закрытым делам и по двум еще не закрытым, но находя-

щимся в производстве. А для этого нужно было все эти дела заново просмотреть и выяснить, чего именно в них не хватает. Гуров понимал, что если он не сдаст хотя бы одной нужной для следователя бумаги, то дело может застопориться и в суд передано не будет, а значит, защита может воспользоваться заминкой в свою пользу.

— Что ж, раз ты настроен так решительно, тогда берите чемоданы и грузите их в машину, — скомандовала Наталья. — А я еще раз проверю, все ли отключила, закрою двери и спущусь.

Крячко, непривычно молчаливый и хмурый, взялся за ручку самого большого чемодана и покатил его к выходу. Гурову достался чемодан поменьше.

— Ты чего это такой? — не вытерпел молчания друга Лев Иванович.

— Какой — такой? — буркнул Станислав.

— Молчаливый и недовольный, — усмехнулся Гуров. — Радоваться надо — отдыхать едешь на теплое море и золотой песок, а ты словно байбак надулся.

— А ты чего обзываешься-то? — косо глянул на него Крячко, нажимая кнопку лифта. — Кто такой байбак?

— Ну вот. После стольких лет нашей с тобой дружбы я выясняю, что биологию ты в школе прокурил, — улыбнулся Лев Иванович. — Байбак — это степной сурок из семейства беличьих. У него всегда серьезное выражение на морде

и надутые щеки, словно он недоволен всей своей суровой степной жизнью.

— Потому и сурок, что жизнь у него суровая, — грустно вздохнув, ответил Крячко и шагнул в лифтовую кабинку.

Гуров задумался. Не о сурке, конечно же, а о том, почему Крячко не в настроении. «Может, он с Натальей поругался? Но по ней этого не видно, — размышлял Лев Иванович. — Тогда почему?» Так и не найдя решения загадки, он тоже шагнул в лифт и втянул за собой чемодан.

— Не хочу я ни на какое море, — неожиданно прервал молчание Крячко. — Что я там буду на этом море делать? Валяться как тюлень и целыми днями паяться на воду и песок? Не по мне такой отдых, ты же знаешь. Наталья меня полгода уговаривала поехать. Вот я и уступил. Замучила уже.

— А ты дайвингом займись, — посоветовал другу Лев Иванович. — Говорят, там вода такая чистая и прозрачная, что фотографии разных рыб, кораллов, черепах и развалин древних городов получаются просто потрясные. Будет потом чем перед коллегами похвастать. Все обзавидуются.

— Думаешь? — Крячко оживился и, накинув капюшон на голову, вышел из подъезда.

Дождь стоял сплошной стеной, которая иногда под порывами шквального ветра смещалась чуть ли не на шестьдесят градусов. На асфальте были уже не просто лужи, а сплошной поток воды, текущей,

как горная река — с перекатами через бордюры и уходящей куда-то в темноту двора.

— Налево поверни. — Гуров нажал на брелке кнопку снятия с сигнализации. Его авто моргнуло фарами. — Видишь, где стоит? Давай скоренько, а то все вымокнем.

Они быстрым шагом, не обращая внимания на сразу же промокшие от воды ботинки, подошли к машине и, закинув чемоданы в багажник, быстро сели в салон.

— Ну, и где она там застряла? — нетерпеливо поглядывая на часы, поинтересовался Станислав. — Так ты советуешь понырять с аквалангом? — спросил он и тут же ответил сам себе, почесав висок: — Хорошая идея. Надо попробовать.

— Можете еще тур на два дня в Стамбул взять, или в Египет, или в Иорданию. Чего сидеть-то на одном месте, — посоветовал Лев Иванович.

— Ты так говоришь, словно каждый год по границам отдыхать ездешь, — с удивлением посмотрел на него Крячко. Теперь он уже не был так хмур, и на лице его была написана заинтересованность. — И откуда ты все это знаешь?

— А я в интернете пару вечеров посидел и кое-какую информацию почитал об отдыхе в Анталье. Вот думаю — может, тоже туда махнуть на следующий год. Если, конечно, получится, — серьезным тоном ответил Лев Иванович. — А вот и Наталья, — посмотрел он

в зеркало заднего вида и моргнул выходящей из подъезда женщине задними фарами авто.

— Все выключила, все документы взяла, ничего не забыли, можно ехать, — быстро проговорила Наталья Крячко, усаживаясь удобнее на заднем сиденье.

— Вот когда женщины говорят, что ничего не забыли, всегда оказывается, что что-то они все равно забудут, — насмешливо отозвался Станислав. — Все, поехали быстрее, — махнул он рукой Льву Ивановичу, — пока она не надумала вернуться и проверить, точно ли она закрыла дверь в квартиру на два замка или просто захлопнула ее.

— Ого, я смотрю, у тебя настроение поднялось, — рассмеялась супруга. — Лева, что ты ему такое сказал, что он теперь бодро смотрит на предстоящий отдых?

— А он что, смотрел на него не бодро? — Гуров прикинулся, что для него такое заявление жены Крячко новость.

— Ой, вот только не говори мне, что ты сегодня вечером не обратил внимания на его постную физиономию, — рассмеялась Наталья, глядя в зеркальце водителя, в котором она увидела смеющиеся глаза Гурова. — Не забывай, что я уже почти тридцать лет как жена оперуполномоченного уголовного розыска, и просто так меня не проведешь.

— Сдаюсь, — рассмеялся в ответ Лев Иванович.

— Лева посоветовал мне поплавать с аква-лангом и вообще не сидеть сиднем на пляже, — повернувшись вполоборота к жене, сказал Станислав.

— А, так вот почему ты все время ходил унылый, — с пониманием кивнула Наталья. — Думал, что весь отпуск проведешь под пляжным зонтиком. Ну это я сама виновата. Надо было тебя ознакомить со всеми планами заранее. А я этого делать не стала, хотела тебе сюрприз подготовить.

— Вот, оказывается, что выясняется, — Гуров похлопал Крячко по колену. — Тебе, брат, сюрприз готовили, а ты этого не знал и ходил как байбак суровый.

— Байбак? А кто это? — заинтересовалась Наталья.

Гуров и Крячко, не сговариваясь, ответили ей хором:

— Это степной сурок.

Они переглянулись и рассмеялись.

— Вон как дружно спелись, пока я двери закрывала, — в ответ рассмеялась и Наталья.

Вылет авиарейса из Москвы в Анталью, как и предполагал Гуров, перенесли из-за непогоды на четыре часа утра. Поэтому, сдав багаж, Станислав с Натальей не стали проходить в зал ожидания, а остались с Гуровым в общей зоне. Они поначалу отправляли Льва Ивановича обратно в город, уверяя его, что ему надо выспаться, ведь утром ему нужно

быть на работе, но, видя, что Гуров не очень охотно поддается на их уговоры, решили вместе посидеть в ресторане. Есть никому не хотелось, поэтому решили просто выпить горячего чаю и поговорить.

Погода понемногу налаживалась, и посадку объявили на час раньше, чем предполагалось.

— Все, мы побежали. Как доберемся до места, обязательно позвоним похвастаться. — Наталья поцеловала Гурова в небритую щеку и ойкнула, уколовшись.

— Да, забыл побриться, — почесал щетину Лев Иванович и, пожав руку Крячко, добавил: — Удачного вам взлета и легкой посадки.

Супруги Крячко быстро ушли, а Лев Иванович нехотя отправился к выходу. Дождь еще накрапывал, но ветер стих, и Гуров, раскрыв зонт, неспешно направился к стоянке автомобилей. Ему не очень-то и хотелось возвращаться в пустую квартиру, и он решил, что поспит немного в машине, прямо тут же, на стоянке аэропорта, а потом поедет в управление.

«Что мне дома одному делать? — устало и уныло думал он. — На работе я хоть как-то отвлекусь, бумажками пошуршу, с ребятами парой слов перекинусь, к Орлову наведаюсь, вдруг дело какое-нибудь новое даст. А позавтракать я могу и в «Шоколаднице» или в «Тануки», когда они откроются».

Включив отопление в машине, Гуров отогрелся, мысли его потекли плавно, лениво, и он сам не заметил, как уснул глубоким сном без сновидений.

Разбудил его телефонный звонок.

ГЛАВА 2

Может, кому-то это и покажется странным и удивительным, но Анатолий Васильевич Веселов свою работу водителя мусоровоза любил. Тридцать лет за баранкой — это вам не шутки. Правда, десять лет из этих тридцати он был дальнобойщиком, а пятнадцать — таксистом, но шофер — это профессия разноплановая. Что нельзя сказать о профессиональных болячках: они у всех водителей — хоть у таксистов, хоть у троллейбусников или дальнобойщиков — практически одни и те же. Особо мучили последние годы Анатолия Васильевича боли в спине и пояснице. И особенно невыносимы они были по ночам. Бессонные ночи давали о себе знать днем. К тому же Анатолию Васильевичу приходилось пить сильные анальгетики, а с ними в обычном, дневном режиме, когда на дорогах сплошным потоком идет самый разный транспорт, работать было никак невозможно. Поэтому пришлось пересаживаться с такси на мусоровозку. Когда же Веселов попросил диспетчера поставить его на постоянной основе в график ночных смен,

в компании обрадовались. Мало кто из шоферов, особенно молодых, хотел работать по ночам, а вот Анатолию Васильевичу такая работа в ночное время очень даже нравилась.

Вопреки своей фамилии, Веселов не обладал легким и веселым нравом, любил тишину и спокойную классическую музыку, которую включал у себя в кабине. Не любил он и громких пустопорожних разговоров, и глупого смеха, как не любил ругани и скандалов. Поначалу в напарники ему дали двух гастарбайтеров из Таджикистана — шумных и болтливых парней, которые тараторили без умолку на своем языке, работали спустя рукава и совершенно не воспринимали замечаний Веселова. В конце концов Анатолий Васильевич не выдержал и заявил начальству, что работать с этими лентяями больше не будет, и, если хотят, чтобы он и дальше работал в компании, пускай дают ему одного, но спокойного и работающего парня. Такой сразу же нашелся. Тахир был улыбчивым и немногословным узбеком, работы не гнушался и был аккуратен в одежде, не в пример предыдущим работникам. С Тахиром Веселов общий язык нашел сразу и даже подружился, хотя разница в возрасте у них была в двадцать с лишним лет.

Обычно ночная смена Анатолия Васильевича и Тахира начиналась в восемь вечера и в восемь утра заканчивалась. Но это обычно, когда не было никаких происшествий или непредвиденных поломок машины. А такое случалось весьма

редко. За четыре года их совместной работы, можно сказать, только дважды и случалось. В первый раз Веселову пришлось съехать с обычного маршрута и подвезти Тахира к роддому — жена родила ему двойню. Тахир тогда растерялся, плакал от радости, как маленький ребенок, и не знал, что ему делать. Та смена закончилась в девять утра, но никто их за опоздание не ругал, а наоборот, все улыбались и поздравляли и Тахира, и Веселова, словно и он, Анатолий Васильевич, был причастен к рождению близнецов. А во второй раз случилась поломка механизма захвата контейнеров, и работать стало просто невозможно — пришлось ехать на базу в три часа ночи и сдавать машину ремонтникам.

Сегодня, по разумению Анатолия Васильевича, смена должна была закончиться безо всяких происшествий. Им оставалось заехать только на один объект — три контейнера рядом с храмом Казанской иконы Божией Матери — и можно ехать на полигон, а потом и на базу.

Подъехав к контейнерам, Веселов с Тахиром вылезли из кабины. Дождь только что закончился, и снаружи было сыро и промозгло. Ночка выдалась не из самых приятных, но выбирать не приходилось. Работать нужно было и в зной, и в снег, и в дождь, и в ураган. И все бы ничего, но в такую сырую погоду боль в спине давала знать о себе острее, чем обычно.

— Погоди, не торопись, — попросил Анатолий Васильевич молодого напарника. — В спину

вступило. Давай перекурим малость, а потом загрузимся.

Веселов достал сигарету и, раскурив, с удовольствием затянулся. Тахир отошел чуть в сторону, чтобы не дышать дымом, и стал смотреть на дорогу, на огни города, на светлеющее над городом утреннее небо. Анатолий Васильевич знал, что узбек не курит и не пьет, и уважал Тахира за эти качества. Сам-то он курить начал лет с четырнадцати и оставлять свою дурную привычку под старость лет не собирался. Да и рюмочку-другую на выходных пропустить не брезговал. Напиваться не напивался, понимал, что если втянется, то это будет конец его шоферской деятельности. А без любимой работы Веселов себя не мыслил.

«Хороший парень», — подумал про Тахира Анатолий Васильевич и подошел ближе к воротам храма. Во дворе храма дворник Саня мел мокрые листья и сучья, которые ночью скосило ветром. Увидев Веселова, Саня махнул ему в знак приветствия рукой. Не то чтобы они были хорошо знакомы, но за столько-то лет узнавали друг друга и здоровались. Бывало, даже перекидывались парой-тройкой незначительных слов. Вот и в этот раз Саня крикнул:

— Вот так погодка нынче! Разгулялись ветер да дождь. Работы мне подкинули.

Он рассмеялся. Саня вообще часто смеялся. Иной раз и не к месту. Контуженый он был. Еще в первую чеченскую войну машина, в которой

он ехал с боевыми товарищами, на мину напоролась. Все ребята из его отряда погибли, а он был только ранен и контужен. Взрывной волной его вышвырнуло на обочину, и он два дня пролежал в канаве, прикидываясь мертвым, когда чеченцы подходили близко к его яме. А потом его подобрала свои бойцы и отвезли в госпиталь. Он тогда еле выжил, много за два-то дня крови потерять успел. Выжить-то он выжил, но с тех пор часто смеялся жутковатым, нервным, лающим смехом. Родственники хотели Саню в дурку сдать, но он сбежал из дома и на перекладных добрался из сибирского городка Таштагола до Москвы.

Зачем приехал в столицу, он и сам не знал. Лишь бы подальше от таких родственничков. Ходил по городу, побирался, пока отец Владимир, настоятель храма Казанской иконы Божией Матери, в который Саня зашел как-то случайно, не пристроил его к себе сторожем и по совместительству дворником. Так Саня и остался жить при храме в небольшой сторожке на заднем дворе. Об этой горькой жизни Сани Веселову как-то раз поведала Алена — продавщица из церковной лавки.

Анатолий Васильевич потушил о подошву ботинка сигарету и только влез в кабину, как к нему подошел сам отец Владимир и, поздоровавшись, спросил:

— Василич, ты не знаешь, можно ли нам контейнера отсюда убрать? Нехорошо, что они

чуть ли не у самого входа в храм стоят. Спроси там у своего начальства. Если надо, я и заявление напишу, и оплачу дополнительно, и вообще все, что надо, сделаю. Пускай только скажут, что нужно сделать, чтобы их убрали в другое место.

— Да я и сам уже заметил, — Веселов кивнул в сторону контейнеров, — что у вас за неделю все баки полны, и даже больше, чем полны. Вона какой мешок большой кто-то вам подкинул! Видать, все кому не лень мимо проезжая, сгружаются. Непорядок это, чтобы на тротуаре мусор валялся. Надо контейнера в другое место убирать.

— Беда, — покачал головой отец Владимир. — Вчера вечером этого мешка не было. Я из храма уже часов в девять уходил и не видел, чтобы он лежал. Это за ночь кто-то сгрузил. В контейнер такой мешок точно не влез бы. Видать, строительный мусор скинули.

— Сейчас уберем, — заверил Веселов и крикнул: — Тахир, сам тот мешок поднимешь?

— Попробую.

Невысокий, но коренастый узбек спокойно подошел к мешку и, взявшись за один его конец, попробовал приподнять.

— Тяжелый, — повернулся он к Веселову и отцу Владимиру. — Надо бы вдвоем.

— Эх, не вовремя у меня спина разболелась... — посетовал Анатолий Васильевич и открыл дверь кабины, собираясь вылезти на помощь Тахиру.

— Сидите, я сейчас Саню попрошу, — отец Владимир подошел к калитке и позвал дворника.

Саня подошел и, прислонив метлу к ограде, спросил:

— Помочь? Это мы разом, — и рассмеялся.

Подойдя к мешку, Саня наклонился и, подхватив его снизу, хотел приподнять, но тут же бросил его обратно и испуганно, оторопело отодвинулся.

— Ты чего? Помогай, раз взялся, — Тахир удивленно посмотрел на Саню.

— Там труп, — нервно рассмеялся Саня.

Тахир при таком его ответе тут же отпустил свой конец мешка и испуганно сделал шаг назад.

— Ну, вы чего там? — поинтересовался Веселов.

— Это... Там, говорит, труп! — крикнул в ответ Тахир.

— Какой труп? Что вы несете? — не понял отец Владимир и направился в сторону Сани и Тахира, которые настороженно смотрели на большой черный полиэтиленовый мешок.

— Там тело, — указал на мешок Саня.

— С чего ты взял? — нахмурился отец Владимир и, оглянувшись на подошедшего к ним Веселова, добавил: — Надо бы открыть и посмотреть. Саня глупости говорить не станет. Он в свое время двухсотых в такие мешки и сам укладывал. Так что его слова нужно бы проверить.